

ВСТРЕЧИ РЕЖИССЕРОВ С В. НЕМИРОВИЧЕМ-ДАНЧЕНКО И К. СТАНИСЛАВСКИМ

После двадцатидневных работ закончились курсы повышения квалификации режиссеров и директоров периферийных театров, организованные Наркомпросом РСФСР.

Перед окончанием занятий режиссеры имели возможность в течение четырех дней детально ознакомиться с театральной системой Художественного театра им. М. Горького. Режиссеры МХАТ В. Г. Сахновский, И. Я. Суданов и Е. С. Телешова изложили основы системы Станиславского и показали ее практическое применение на конкретном материале своих постановок.

Занятия в МХАТ закончились беседами режиссеров с руководителями МХАТ — народными артистами В. И. Немировичем-Данченко и К. С. Станиславским.

Беседа с В. И. Немировичем-Данченко велась в товарищеской обстановке в кругу старейших артистов Художественного театра — О. Л. Книшпер, В. И. Качалова, И. М. Москвина, М. М. Тарханова и др. Свои теоретические и практические высказывания В. И. Немирович-Данченко пересыпал воспоминаниями отдельных эпизодов из богатого прошлого Художественного театра.

Отвечая на поставленные вопросы, Владимир Иванович в большой обстоятельной речи, продолжавшейся несколько часов, развил свои взгляды на практику режиссерской работы в театре.

— Режиссер, — говорил В. И., — существо трехликое: он выступает, как толкователь пьесы, как «зеркало актера» и как организатор спектакля. Это последняя, организационная работа режиссера более заметна для зрителя: она проявляется в мизансценах, в организации массовых сцен, во внешних красках спектакля (в этом направлении художник подчиняется режиссеру) и т. д. Два первых лица режиссера зрителю не видны и даже не должны быть видны.

Режиссер, рассматриваемый как толкователь пьесы и как педагог, должен действовать показом. Есть режиссеры-теоретики, которые умеют прекрасно проанализировать спектакль, дать его критику и т. д. Но если у режиссера нет задатков и способностей актера, он не сумеет вдохновить исполнителя, и польза от такого режиссера будет очень небольшой. Подлинный режиссер, если даже он никогда не играл и не будет играть на сцене, все же должен быть актером хотя бы в потенции; при этом он должен быть более блестящим и значительно лучшим актером, чем тот, кому он показывает. Такой настоящий режиссер должен умирать в актере, как должен умирать в исполнителе и автор пьесы. Самую большую радость режиссер получает тогда, когда актер думает, что это он сам, а не режиссер, придумал то, что он делает на сцене, и что слова, которые он произносит со сцены, принадлежат ему лично, а не автору пьесы.

Развивая эту мысль дальше, В. И. Немирович-Данченко говорит, что главным лицом в театре, его основой является актер. Можно выстроить прекрасное здание, пригласить хороший обслуживающий персонал и т. д. — и все же театра не будет. А стоит только двум-трем актерам

развернуть на площади коврик, как появится театр.

Такими же актерскими дарованиями наряду с режиссером должны обладать театральные художник, бутяфор и т. д. В качестве примера подлинно театрального художника В. И. приводит декоратора Симова, который строил всю свою работу, исходя из деятельности актера, и достиг в этом направлении больших результатов, чем кто-либо другой из художников.

Режиссер, рассматриваемый как «зеркало актера», должен обладать большой интуицией, позволяющей ему проникать в индивидуальность

В. И. Немирович-Данченко

актера, с которым он работает. Это интуиция относится к явлениям, под которые еще не подведена научная база, но ясно одно: то, что называется интуицией, вытекает из общего культурного уровня человека, из всех его знаний. Эта интуиция и позволяет режиссеру руководить актерами. А это особенно важно потому, что чем более актер работает над ролью, тем более он терпит критическое отношение к самому себе.

Режиссер должен очень бережно относиться к актеру и внимательно учитывать его индивидуальные особенности. Режиссеру, — говорит В. И., — приходится одновременно быть царем, рабом, слугой, нянькой и командиром.

Отвечая на вопрос, как режиссеру легче всего узнать актера, В. И. говорит, что для этого можно даже и не видеть его на сцене.

— Лично про себя скажу, — замечает В. И., — что я часто узнаю актера лучше из углубленной беседы с ним, чем из белого просмотра его в одной-двух ролях. Его индивидуальность иногда можно лучше оценить даже за чашкой чая...

Режиссер, рассматриваемый как организатор спектакля, должен обладать особым талантом организации. Он должен своей волей охватить весь спектакль — только тогда спектакль будет хорошим. Но чем больше власти у режиссера, тем больше у него обязательств и ответственности. К сожалению, сейчас некоторые режиссеры больше пользуются прерогативами

вами власти, чем выполняют свои обязательства.

Ко всем этим моментам В. И. добавляет обязанность режиссера дать спектаклю четкую политическую значимость и направленность.

Говоря о будущем Художественного театра, В. И. Немирович-Данченко замечает:

— Говорю это за себя лично, ибо высказываю то, что никому и никогда не говорил. Долго искал, и, казалось, уже нашел театральную правду Художественный театр. Но я верю, что есть еще настоящее, синтетическое искусство, к которому Художественный театр должен рано или поздно прийти.

То, что в Художественном театре имеется стремление к такому синтетическому театру, В. И. видит в том, что и он лично и К. С. Станиславский обратились сейчас к музыке.

В заключение В. И. рассказал о своих литературных работах. Он только что закончил книгу о драматургии Чехова и о постановках его пьес на сцене Художественного театра. Книга написана по заказу иностранного издательства и сначала выйдет за границей. Сейчас В. И. думает заняться анализом спектакля «Гроза»: несогласный с критиками этой постановки, он хочет написать антикритику.

*

Занятия режиссеров периферии в МХАТ закончились встречей с народным артистом республики К. С. Станиславским. Константин Сергеевич сейчас нездоров: доктора запретили ему выходить из дому.

Огорченные этим известием о болезни, режиссеры входили в квартиру Станиславского. Каковы же были их изумление и радость, когда на встречу им легкой походкой вышел, как всегда, веселый, полный бодрости и жизнерадостности Константин Сергеевич. Режиссеры устроили ему овацию.

К. С. Станиславский пригласил режиссеров на чашку чая. Здесь в интимной обстановке началось дружеское собеседование. К. С. подробно говорил о сущности и основах своей театральной системы, о работе режиссера и о работе с актером. Были подняты вопросы о том, что значит на языке Художественного театра сквозное действие, в чем правда театрального искусства и где начинается его фальшь, почему в спектакле должно быть ограниченное число четко сформулированных задач и т. д. и т. п.

— Театральная система, — сказал К. С., — это не рецепт, как надо играть на сцене; ее задача в иной плоскости — она должна помочь актеру найти правильный путь, должна приучить его работать и над собой и над ролью.

Беседа за чайным столом продолжалась несколько часов. К. С. сообщил, что он закончил большую книгу о своей театральной системе, которая состоит из двух частей — «Работа актера над собой» и «Работа актера над ролью».

Организованная редакцией «Советского искусства» стенографическая запись беседы К. С. Станиславского с режиссерами будет напечатана в следующем номере газеты.